

20. Lider altayskikh “zhirinovtsev” Andrey Shchukin ob initsiative po otmene vybornosti glav munitsipalitetov: speshnye izmeneniya govoryat lish o nerezultativnosti raboty vlasti i ee oshibkakh [The leader of the Altai “Zhirinovskiytes” Andrey Shchukin an initiative to abolish the election of mayors: hasty changes indicate only the ineffective work of the authority and its errors]. Available at: <http://www.bankfax.ru/news/69902/>.

21. Lider “SR” Sergey Mironov ne pozhelal vstretitsya s merom Biyska iz-za vzbuzhdenogo v otnoshenii nego ugovnogo dela [The leader of the “SR” Sergey Mironov did not wish to meet with the mayor Byisk due instituted criminal proceedings against him]. Available at: <http://www.bankfax.ru/news/66052/>.

22. Lidery altayskikh kommunistov i edinorossov ne osuzhdayut mera Biyska, kotorogo obvinayut v prevyshenii dolzhnostnykh polnomochiy [The leaders of the Communists and the Altai United Russia did not condemn the mayor Byisk, who is accused of abuse of office]. Available at: <http://politsib.ru/news/38604>.

23. Mer Biyska Anatoliy Mosievskiy, v otnoshenii kotorogo vzbuzhdeno ugovnoe delo, pytaetsya zaruchitsya podderzhkoy obshchestvenoy palaty goroda? [The leaders of the Communists and the Altai United Russia did not condemn the mayor Byisk, who is accused of abuse of office]. Available at: <http://www.bankfax.ru/news/56905/>.

24. Osuzhdenyy mer Biyska Anatoliy Mosievskiy: “Te, kto khotel menya snyat, svoego dobilis” [Convicted mayor Byisk Anatoly Mosievsky: “Those who want me to stay, have achieved”]. Available at: <http://altapress.ru/story/69814>.

25. Pocheptsov G. Informatsionnye voyny: bazovye parametry [Information warfare: basic parameters]. Available at: <http://psyfactor.org/psyops/infowar9.htm>.

26. Prokuratura vzbudila ugovnoe delo protiv mera Biyska [The prosecutor's office opened a criminal case against the mayor Byisk]. Available at: <http://www.asfera.info/news/one-17902.html>.

27. Slukhi o tom, chto mer Biyska Anatoliy Mosievskiy vzyat pod strazhu, ne podtverdil [Rumors that the mayor Anatoly Byisk Mosievsky taken into custody were not confirmed]. Available at: <http://www.bankfax.ru/news/56280/>.

28. 1800 mitinguyushchikh v Biyske trebovali chestnogo provedeniya vyborov [1800 protesters Biisk demanded honest elections]. Available at: <http://www.bankfax.ru/news/67846/>.

ОБРАЗЫ СЕКСУАЛЬНОСТИ ЧУЖОГО КАК ФАКТОР, МАРКИРУЮЩИЙ ФРОНТИРНУЮ ГЕТЕРОТОПИЮ²²

Якушенкова Олеся Сергеевна, аспирант

Астраханский государственный университет
414056, Россия, г. Астрахань, ул. Татищева, 20а
E-mail: jestershadow@mail.ru

Сексуальная культура Чужого в условиях фронтальной гетеротопии является одним из важнейших аспектов, влияющих на формирование его образа. Как и в случае с едой, секс – является важнейшим фактором, определяющим наши властные возможности (по М. Фуко). И как бы мы не презирали и не боялись Чужого, однако и в вопросах сексуальности мы стремимся занять его место, вобрав его в себя самого или его женщин. Особые условия фронтальной гетеротопии постоянно дает нам возможность сексуальной трансформации, или точнее трансгрессии, так как наш переход к сексуальным традициям Чужого сулит нам ничто другое, как определенную сексуальную свободу и сексуальную восполненность, то есть то, что мы не можем получить в рамках своей традиционной культуры, ограниченной множественными нормами и моральными рамками. Таким образом, фронтальный субъект легко переходит к сексуальной трансгрессии, ведь это дает ему возможность закрепить свое право на доминирование, расширение своих норм и прав. И чем более трансгрессивен субъект, тем

---

²² Статья написана при поддержке фонда РФФИ, грант 14-03-00414 «Межкультурные коммуникации в условиях гетеротопии фронта» (The article was written with the support of the RFNF, grant 14-03-00414 “Intercultural communication in the hetero-isotopy of the frontier”).

активней он заявляет свои властные права, тот же, кто не способен заявлять свое право на доминирование, автоматически переводится на нижнюю ступень в социальной иерархии.

Ключевые слова: сексуальность, фронтир, трансгрессия, гетеротопия, Чужой, кросс-культурный диалог

THE IMAGES OF SEXUALITY OF AN ALIEN AS A FACTOR OF MARKING OF FRONTIER HETEROTOPIA

Yakushenkova Olesya S., post-graduate student
Astrakhan State University
20a Tatishchev st., Astrakhan, 414056, Russian Federation
E-mail: jestershadow@mail.ru

Sexual culture of the Alien in the conditions of Frontier Heterotopia is one of the most important aspects influencing the formation of his image. As with food markers, sex is the most important factor determining our power capabilities (M. Foucault). And how could we not despised and feared not the Stranger, however, and in matters of sexuality, we aim to take his place, bringing it in himself or his women. Special conditions of Frontier Heterotopia constantly gives us the opportunity of sexual transformation, or more precisely transgression, since our transition to sexual traditions of the Alien holds nothing else, as a certain sexual freedom and sexual realization, that is what we can't get in the framework of our traditional culture, limited multiple standards and moral framework. Thus, montery the subject is easily transformed to a sexual transgression, because it gives us the opportunity to secure the right to dominance, the expansion of its standards and rights. And the more transgressive the subject, the more active he is asserting the power law, whoever is not able to claim their right to dominance, is automatically put on the lowest step in the social hierarchy.

Keywords: Sexuality, Frontier, Heterotopia, Cross-cultural dialogue, Transgression, Alien, cultural landscape

Сексуальность Чужого волнует нас, ведь понимая его половые предпочтения, мы понимаем и самого Чужого. Однако, вне зависимости от его вкусов, Чужой – это потенциальная угроза. Даже если в своих пристрастиях он похож на нас, это автоматически означает, что он угрожает нашим женщинам, т.е. он в любом случае агрессор. Если же его не интересуют наши женщины, то он и не достоин уважения, значит, ему присущи извращенные сексуальные пристрастия – он гомосексуален или т.п. Вопрос секса – это всегда вопрос власти, что не однократно упоминал М. Фуко в своих работах [5]. Сексуальность Чужого воспринимается как акт агрессии и его попытка доминировать. Любое же отклонение от этого вектора, к примеру, если Чужой выбирает себе сексуального партнера по иному принципу, нежели «свой», он автоматически рассматривается, как существо низшее в иерархии. Таким образом, мы во многом рассматриваем его с точки зрения сексуального позиционирования. Мы стремимся доминировать над ним, вынося его сексуальность за рамки нормы, тем самым снижая его роль в социальной иерархии.

Встречи с Чужим на фронтуре – это выстраивание определенной сексуальной идеологии, основывающейся на распределении сексуальных ролей, и этот процесс поддается типологии. Сексуальность в условиях первых контактов – это очень часто товар, бартер, способ обмена. Это возможность выстроить ознакомительные отношения. В этом плане показательны отношения на американском фронтуре, когда брак с представительницей местного населения в этот считается нормой и событием, способным спасти жизнь «жениху» и его соратникам. Брак в таких условиях – это способ коммуникации.

С другой стороны, при первых контактах, и особенно при самой первой встрече мы очень озабочены сексуальностью Чужого. Все кажется нам непохожим и вызывает удивление и неприязнь. Чем дальше находится Чужой в культурном отношении, тем фантастичнее он воспринимается. Будучи частью природного мира и воспринимаемый как часть природного ландшафта, он легко теряет все нормы человеческой

морали. Он априори становится аморальным, распутным, приверженным к групповому браку, промискуитету и т.д. Все эти характеристики становятся универсальными признаками, по которым проходит водораздел дикий/цивилизованный. И представление о групповом браке у «примитивных народов» не есть изобретение расистов или националистов Запада, а всеобщая универсалия, которую можно обнаружить в отношении к Чужому у разных народов. Гарсиласо постоянно указывает на многочисленные племена, обитающие на периферии Инкского государства, которые не знают семьи: «Многие племена соединялись для сожительства, словно звери, как им доводилось встретиться, не зная, что такое собственная жена» [1, с. 39]. Инки же в его представлении выступают культуртрегерами, принесшими этим народам закон, порядок, мораль и научившими их нормальному существованию. Аналогичные идеи демонстрирует нам и Гай Юлий Солин: «Эфиопы гараманты не ведают брака, а предаются любовным наслаждениям сообща» [1, с. 206]. Автор пишет о них как о народе, который потерял всякое уважение, пал до уровня зверей, и выродился: «Вследствие отвратительного обычая они вместе с оскверненной чистотой утратили понятие о преемственности» [1, с. 206].

Так называемая «утрата преемственности» пугает античного автора, точно так же как пугает и Гарсиласо. Наследование по женской линии, и что еще хуже – сексуальная свобода женщин воспринимается как явление крайне негативное, которое обязательно приведет к вырождению племени. И в то же время – это именно то, что свойственно Чужой женщине: «В других провинциях считалось дозволенным и даже достойным похвалы, если девушки вели себя как можно более безнравственно и беспутно, и для самых распущенных из них замужество было больше всего гарантировано, так как среди них они наиболее высоко ценились; а о честных девушках говорили, что их никто не хотел из-за их слабости» [2, с. 39–40]. Свободный выбор женщиной партнера, как мы видим в этом отрывке, ассоциируется с силой. Поэтому, определенная сексуальная свобода женщин воспринимается как агрессия. Это своеобразный шаг в сторону возникновений представлений об амазонках. В этом мифе мы встречаемся с удивительным сочетанием сексуальности и асексуальности. Они агрессивны, в том числе и сексуально, потому что они сами берут себе мужей и затем убивают их. И, вместе с тем, их сексуальность ограничена – направлена лишь на воспроизводство женского коллектива и исключает нормальные отношения для традиционного общества.

В жизнеописании Александра Македонского мы находим описание встречи Александра и царицы Талестрис, которая правила достаточно обширными землями. Царица сама приходит к Александру, не дожидаясь, когда он приблизится к ее землям, и выказывает достаточно специфическую просьбу: «На вопрос, не желает ли она просить о чем-нибудь царя, она, не колеблясь, призналась, что хочет иметь от него детей, ибо она достойна того, чтобы наследники царя были ее детьми: ребенка женского пола она оставит у себя, мужского – отдаст отцу» [3, с. 123]. Даже облик амазонок воплощает в себе идею амбивалентной сексуальности – оголенная левая грудь, удаленная правая, короткий подол, завязанный так, чтобы не мешал перемещениям. Перед нами полуженщина-полувоин. Удаленная грудь как отрицание женственности и женской сексуальности, и при этом оголение оставшейся – как акт агрессивной сексуальности: «Страсть женщины, более желавшей любви, чем царь, заставила его задержаться на несколько дней».

Агрессивные, истребляющие мужчин амазонки демонстрируют своего рода идею: женщина у власти – трагедия и опасность. Те народы, которые управляются женщинами, всегда воспринимаются как неполноценные, павшие и т.д. Подобные примеры встречаются и у Тацита: «Над ними властвует женщина: вот до чего пали ситоны, не говоря уже об утрате свободы, даже в претерпеваемом ими порабощении» [4, с. 428]. Передача власти женщине – падение куда большее нежели рабство. Последнее предполагает наличие более сильного, но идентичного в иерархии про-

тивника, тогда как власть женщины предполагает слабость перед существом низшим по иерархии.

С одной стороны – Чужих женщин желают, с другой, приписывая им чрезвычайную сексуальность и распутство – их боятся, потому что сексуальность – это агрессия. В вопросе сексуальности можно выстраивать иерархию отношений. Если мужчинам приписывается пониженная сексуальность, на них смотрят как на женщин, а если повышенная, то они воспринимаются как агрессоры. Но сексуальность завязана еще на один очень важный вопрос. Сексуальность и отношение к женщине – это вопрос наследования, получения права на землю. Женщина выступает транслятором этого права – брак с ней дает право претендовать на землю и легитимировать претензии на территорию. Одним из самых ярких примеров подобной легитимации может служить история Покахонтас. Индейская принцесса, ставшая женой колониста Джона Ральфа, гарантировала мирное сосуществование индейцев и колонистов. Нет ничего удивительного в том, что позднее образ Покахонтас прочно утвердился в массовой культуре, где она приобрела коннотацию подательницы благ первым поселенцам, миротворицы и спасительницы, а благодаря диснеевской экранизации историю Покахонтас сейчас знает фактически каждый ребенок, что справедливо не только для США, но и для многих других стран.

Функция «культуртрегера» нередко закрепляется за женщиной в условиях фронта. Еще одна знаменитая индейка – Сакагавеа, проводница и переводчица экспедиции Льюиса и Кларка, подобно Покахонтас, служила своеобразным буфером, сдерживающим любые военные конфликты. Помимо несомненно важной, но все же, как нам кажется, в данном случае, второстепенной функции переводчицы, Сакагавеа была гарантом мирных намерений экспедиций, призванным убедить местное население в безобидности колонистов. И эту функцию могла нести только женщина, что подтверждалось в записях Кларка, ведь «женщина среди группы мужчин – символ мира»[9, с. 263].

Не стоит думать, что подобные отношения характеризуют только американский фронт. Схожие персоналии можно найти и в истории китайского фронта. Одна из легендарных «четырёх великих красавиц Китая» Ван Чжаоцзюнь, будучи наложницей императора Юань-ди, была отправлена к правителю (шаньюю) народа сюнну Хуханье, когда тот выразил желание породниться с китайской императорской семьей. Когда шаньюй умер, Чжаоцзюнь попросила императора разрешить ей вернуться домой, но по его приказу она была вынуждена выйти за следующего шаньюя. По сути, с ее помощью император избежал риска несвоевременной новой войны с сюнну и укрепил свои границы на северных территориях[13, с. 32]. За Чжаоцзюнь же закрепилось прозвище «успокоительница варваров», поскольку с момента свадьбы и в течение полувека лет она, по сути, сдерживала военные конфликты на этой территории и была ключевой фигурой в отношениях с кочевниками[13, с. 32]. Многие китайские поэты посвящали ей свои строки, подчеркивая в первую очередь ее функцию сдерживателя варварской агрессии, к примеру: «Единственная улыбка ее бровей, похожих на полумесяц, развеяла пыль границ»[12, с. 193]. Кроме того, Чжаоцзюнь так же стала символом культуртрегерства. Ее неизменным атрибутом на всех последующих изображениях становится пипа – музыкальный инструмент, приобщение к которому символизирует «культурность», поскольку музыка сама по себе – атрибут исключительно культурного народа, а в данном случае она становится инструментом социализации варваров.

Возвращаясь к стратификации сексуальных отношений, необходимо заметить, что второй этап фронтных отношений – это этап экспансии, в котором сексуальное доминирование является одним из важнейших аспектов. Это способ самоутверждения и позиционирования себя в качестве маскулинного агента. Если в предыдущем периоде индейские жены выступают как необходимая форма сосуществования, то теперь такая жена это нечто низкое, а европейский муж занимает приниженное по-

ложение, его называют скво, он сам объявляется женщиной. В таких условиях и насилии по отношению к Чужой женщине становится доминирующей нормой.

Для европейцев индейские женщины были чаще всего не более чем объект, который можно использовать для удовлетворения сексуального желания. Европейки гибли в тяжелых условиях колонизации, да и зачастую им не было места в составе военного отряда. Их место заняли индеанки, насилие над которыми не было чем то сверхъестественным. Хотя оно фактически не поощрялось, по сути никто этому и не препятствовал. По мнению Р.С. Паддена, новые земли покорялись не столько оружием, сколько сексуальными отношениями: «Испанцы оставляли в лагерях больше беременных, чем трупов на поле боя» [10]. Один из конкистадоров вспоминал, что его товарищ оставил после себя 30 детей только за 3 года [7, с. 12].

Схожая ситуация была и в Австралии. Для европейских мужчин, по мнению Мерилин Лейк, эта территория стала своеобразным воплощением мечты о свободе, где можно все – в том числе и безнаказанно насилловать местных женщин [8, с. 96]. Более того, сохранились факты содержания аборигенок в качестве сексуальных рабынь на этой территории, в частности, история девушки, похищенной европейцем, и содержавшейся им на цепи. Когда ее муж пришел к похитителю, пытаясь освободить ее, он был встречен ружьем [6, с. 108].

По мнению Джонатана Ричардса, сексуальное насилие над детьми началось вместе с колонизацией Австралии, и не последнюю роль в этом процессе имела так называемая «Австралийская туземная полиция», находившаяся, как правило, под командованием белого офицера [11, с. 174].

Проживающие на той же самой территории этнические китайцы демонстрировали совершенно иную модель поведения. Европейским обществом они воспринимались как максимально феминизированные, не проявляющие силу, в то же время чрезвычайно хитрые (за что их и приписывали к женщинам). Однако, как это не удивительно при такой характеристике, один из начальников полиции в тот период сообщает, что в китайском квартале проживает достаточно большое количество белых женщин, не проституток [6, с. 104]. Жены и любовницы китайцев, европейского происхождения, по словам того же начальника, характеризуют китайских мужчин как чрезвычайно добрых к ним [6, с. 104].

Подобная ситуация замечательно иллюстрирует высказанный нами ранее тезис о том, что Чужой мужчина, не демонстрирующий сексуальную агрессию, будет восприниматься как слабый, никчемный и максимально феминизированный, потому что в условиях фронтальной гетеротопии сексуальное насилие становится одним из способов установления власти, в том числе и политической.

Попадающий на непривычную территорию, человек вынужден приспособливаться. Встреча с Чужим на его территории приводит к трансгрессии. Особенно активно в этом процессе затрагиваются телесные аспекты, как одни из базовых. Трансгрессия может проявляться самым широким спектром образов. Типичным примером этого может служить переход к вестиментарной культуре Чужого, предполагающий заимствование костюма или элементов одежды. Пример подобной трансгрессии замечательно описывал в своем произведении М.Ю. Лермонтов. Его герой учится держаться в седле на кавказский манер, и почитает высшей хвалой, когда другие признают его умение именно в этой области. Влюбляясь в кумычку, он действует самым невероятным образом для человека его воспитания, при этом в рамках традиций, характерных для местных народов. Он не добивается ее руки, как это делают в Петербурге или Москве, он умыкает ее и учит татарский язык.

Однако не нужно считать, что М.Ю. Лермонтов приукрасил или прифантазировал по поводу трансгрессии героя. То, как Кавказ менял русских офицеров, участвовавших в его покорении, можно судить и по биографии Ермолова, который не церемонился в усмирении воюющих с Россией местных народов, и вместе с тем, завел себе «гарем» из дагестанских женщин, которые остались на Кавказе, когда прослав-

ленный генерал вернулся домой. Вряд ли кто осудит поведение русского генерала на Кавказе, имеющего гарем из четырех жен, но найдется мало людей, которые оправдают русского героя, проживающего с четырьмя женами в центральной России. Это очевидный пример трансгрессивного поведения – нарушение сексуальных норм и сексуального поведения индивида, характерных для его традиционной культуры. Фронтальная гетеротопия раздвигает поведенческие границы индивидуумов, предоставляя им возможность не ориентироваться на закон, обычаи и нормы его коллектива. То, что позволено герою на Кавказе, не встретит одобрения в центральной территории России.

Поэтому и сексуальное насилие и секс-рабы, о которых мы упоминали чуть выше, говоря об Австралии, в условиях фронтальной гетеротопии стали обычным явлением. Покров традиционной культуры или культурного императива отходит на задний план. Культурный ландшафт встречи с Другими развязывает ему руки, и он может не сдерживать себя. Сексуальная свобода кажется ему очевидным и логичным вознаграждением за сложности сосуществования с Чужим.

Определенная акцентуализация сексуальности Чужого сохраняется и в нашу эпоху. Параллельно с тем, как азиатским мужчинам кинематографисты долгое время отказывали в какой бы то ни было сексуальности вообще, и все азиатские персонажи в голливудском кинематографе изображались как асексуальные, пассивные, неудачливые, образ азиатской женщины приобрела коннотацию существа гиперсексуального. Они – сексуальные соблазнительницы, о которых мечтают все представители других национальностей, причем этот паттерн со временем распространился и на массовую культуру других стран. Причина существования подобного образа кроется в некоем загадочном налете, с которым ассоциировалась Азия у представителей западной культуры. «Восток – дело тонкое», и эта модель восприятия прочно утвердилась в наших головах, причем характерна она для западной культуры отнюдь не первое столетие.

Не в последнюю очередь аура загадочности связана с сексуальными запретами. В европейском и, как следствие, американском воображении Азия ассоциировалась (да и продолжает ассоциироваться) с нарушением сексуальных табу – своего рода сексуальной трансгрессией, гейшами, китайскими борделями и т.д. Образ доступной, гиперсексуальной красотки плотно закрепился в американском кинематографе. Подобный стереотип ярко прослеживается в изображении героини Люси Лиу в «Ангелах Чарли». Азиатка в американском кинематографе, как правило, сексуально доступна для белых (а иногда и черных) мужчин, хотя ее отношения с белым мужчиной иногда ставят под угрозу «более легитимные» отношения с его законным партнером.

Если же женщина изображается находящейся в отношениях с азиатским мужчиной, он зачастую жесток по отношению к ней и несостоятелен как муж, и в конечном итоге она бросает его ради более достойного «американца» (к примеру, американский популярный сериал «Остаться в живых» показывает именно домашнее насилие азиата над азиаткой). Азиатские женщины при этом часто изображаются как обслуга – трудолюбивая и старающаяся завоевать внимание. Стереотип сексуальной красотки, знающей как подчинить своим «искусством любви» мужчину ради своих жестоких и корыстных целей со временем вышел за рамки только американского кинематографа. Подобная героиня есть и в чрезвычайно популярном французском фильме «Такси». Она – главарь преступной группировки, соблазнившая шефа французской полиции с целью личной выгоды. Это весьма опасный персонаж, причем основная его угроза кроется именно в гиперсексуальности, с помощью которой азиатская женщина может даже пытать простых французов. Женская сексуальность же в азиатском кинематографе явление не очень частое. Женщина – это, как правило, объект мужского желания, и преодоление этого паттерна редко заканчивается для героини хорошо.

Таким образом, суммируя вышесказанное, можно прийти к выводу, что сексуальность Чужого – один из важнейших пунктов построения его образа в нашем сознании. В случае с Чужим мужчиной, его сексуальность может быть двух типов – условно, агрессивная-активная – и в таком случае он подлежит уничтожению, как потенциальный похититель наших ресурсов (причем женщины в этих условиях тоже своеобразный ресурс), или пассивная – в условиях, когда Чужой не проявляет ярко выраженной агрессии. Образ же Чужой женщины всегда сочетает в себе два паттерна – чрезмерную сексуальность (ведь женщина, в условиях иерархии мужского мира, тоже своеобразный ресурс), и агрессию, так как даже будучи сексуально-призывной, она все еще остается Чужой и продолжает нести в себе определенную опасность.

Список литературы

1. Гай Юлий Солин. Собрание достопамятных сведений / Гай Юлий Солин // Знание за пределами науки. Мистицизм, герметизм, астрология, алхимия, магия в интеллектуальных традициях I–XIV веков / под ред. И. Т. Касавина. – Москва : Республика, 1996.
2. Гарсиласо де ла Вега. История государства Инков / Гарсиласо де ла Вега. – Москва : Наука, 1974.
3. Квинт Курций Руф. История Александра Македонского / Квинт Курций Руф. – Москва : Московский государственный университет, 1993.
4. Тацит. О происхождении германцев // Тацит К. Анналы. Малые произведения. История. – Москва : АСТ Ладомир, 2003.
5. Фуко М. Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности / М. Фуко. – Москва : Касталь, 1996.
6. Bongiorno F. The Sex Lives of Australians: A History / F. Bongiorno. – Collingwood : Black Inc. Publ., 2012.
7. Herren R. La conquista erótica de las Indias / R. Herren. – Barcelona : Planeta, 1991.
8. Lake M. Frontier Feminism and the Marauding White Man // Nation, Empire, Colony: Historicizing Gender and Race. – Bloomington : Indiana University Press, 1998.
9. Lewis M. The Lewis and Clark Journals: An American Epic of Discovery / M. Lewis, W. Clark. – Lincoln : University of Nebraska Press, 2004.
10. Padden R. C. The Hummingbird and the Hawk / R. C. Padden. – Columbus : Ohio State University Press, 1967.
11. Richards J. The Secret War: A True History of Queensland's Native Police / J. Richards. – Brisbane : University of Queensland Press, 2008.
12. Rouzer P. Articulated Ladies: Gender and the Male Community in Early Chinese Texts / P. Rouzer. – Cambridge : Harvard University Asia Center, 2001.
13. Zhao G. Q. Marriage as Political Strategy and Cultural Expression: Mongolian Royal Marriages from World Empire to Yuan Dynasty / G. Q. Zhao. – New York : Peter Lang International Academic Publishers, 2008.

References

1. Gay Yuliy Solin. Sbranie dostopamyatnykh svedeniy [Collection of memorable information]. *Znanie za predelami nauki. Mistitsizm, germetizm, astrologiya, alkhimiya, magiya v intellektualnykh traditsiyakh I–XIV vekov* [Knowledge outside of science. Mysticism, Hermeticism, astrology, alchemy, magic in the intellectual tradition of I–XIV centuries]. Ed. by I. T. Kasavin. Moscow, Respublika Publ., 1996.
2. Garsilaso de la Vega. *Istoriya gosudarstva Inkov* [History of the Incas]. Moscow, Nauka Publ., 1974.
3. Kvint Kurtsiy Ruf. *Istoriya Aleksandra Makedonskogo* [History of Alexander the Great]. Moscow, Moscow State University Publ., 1993.
4. Tatsit. O proiskhozhdenii germantsev [On the origin of the Germans]. *Tatsit K. Annaly. Malye proizvedeniya. Istoriya* [Annals of Tacitus K. Small works. History]. Moscow, AST Ladomir Publ., 2003.
5. Fuko M. *Volya k istine: po tu storonu znaniya, vlasti i seksualnosti* [Will to truth: Beyond the knowledge, power and sexuality]. Moscow, Kastal Publ., 1996.
6. Bongiorno F. *The Sex Lives of Australians: A History*. Collingwood, Black Inc. Publ., 2012.
7. Herren R. *La conquista erótica de las Indias*. Barcelona, Planeta, 1991.

8. Lake M. *Frontier Feminism and the Marauding White Man. Nation, Empire, Colony: Historicizing Gender and Race.* Bloomington, Indiana University Press Publ., 1998.
9. Lewis M., Clark W. *The Lewis and Clark Journals: An American Epic of Discovery.* Lincoln, University of Nebraska Press Publ., 2004.
10. Padden R. C. *The Hummingbird and the Hawk.* Columbus, Ohio State University Press Publ., 1967.
11. Richards J. *The Secret War: A True History of Queensland's Native Police.* Brisbane, University of Queensland Press Publ., 2008.
12. Rouzer P. *Articulated Ladies: Gender and the Male Community in Early Chinese Texts.* Cambridge, Harvard University Asia Center Publ., 2001.
13. Zhao G. Q. *Marriage as Political Strategy and Cultural Expression: Mongolian Royal Marriages from World Empire to Yuan Dynasty.* New York, Peter Lang International Academic Publ., 2008.

ПОТЕНЦИАЛ НОВЫХ СОЦИАЛЬНЫХ ДВИЖЕНИЙ НА ПРИМЕРЕ АНТИВОЕННОГО ДВИЖЕНИЯ

Бутина Мария Валерьевна, аспирант

Алтайский государственный университет
656049, Российская Федерация, г. Барнаул, ул. Димитрова, 66
E-mail: mvbutina@gmail.com

Проблематика новых социальных движений в целом и антивоенного движения приобретает новую актуальность на фоне активизации общественных движений последних лет. Статья посвящена изучению концепции новых социальных движений на основе рассмотрения массовых движений за мир, приобретших особую значимость в период, предшествовавший окончанию холодной войны. В работе предпринимается попытка выявления внутренних закономерностей данного явления, характерных для всех новых социальных движений в целом, формулируются рекомендации по взаимодействию с данными институтами, даётся прогноз будущего их развития в России.

Ключевые слова: общественные движения, новые социальные движения, движение за мир, антивоенное движение, холодная война, политология, монопроблемные движения

POTENTIAL OF THE NEW SOCIAL MOVEMENTS AS AN EXAMPLE OF THE ANTIWAR MOVEMENT

Butina Maria V., post-graduate student

Altai State University
66 Dimitrova st., Barnaul, 656049, Russian Federation
E-mail: mvbutina@gmail.com

Problems of new social movements in general and in particular of the antiwar movement takes on a new urgency to the backdrop of intensified social movements in recent years. Article examines the concept of the new social movements based on the consideration of mass movements in the world, acquired a special significance in the period preceding the end of the Cold War. The paper attempts to identify the internal laws of the phenomenon common to all new social movements in general, makes recommendations for cooperation with these institutions, a forecast of the future of their development in Russia.

Keywords: social movements, new social movements, the peace movement, the antiwar movement, the Cold War, Politics, problem movement

Переход к постиндустриальному обществу приводит к глобальным изменениям. Например, секретарь Совета национальной безопасности Украины Андрей Парубий